

БАХ В ЖИЛУ

Муллова привезла в Москву своего фирменного, знаменитого на весь мир Баха, которого она играет характерным барочным смычком, на жильных струнах в старинном низком строе и практически не пользуясь вибрато. Очередной аттракцион, фыркнут наши ортодоксы, то ли дело великие Давид Ойстрах и Генрик Шеринг Шеринг с их эталонными записями.

Стоят и на моей полке партиты и сонаты Баха в исполнении Шеринга — полнозвучные, пафосные, совершенно наплевательские по отношению к эпохе. А рука все равно тянется к этому комплекту — может, автоматически, а может, из-за ностальгии по подростковому романтизму. И все же того, что творится с Шерингом ли, Ойстрахом ли во время исполнения этой музыки, ту совершенно барочную мистику, не вытравившись из фонограмм никакой цифровой реставрацией.

Точно такой — жирный и вибрирующий — звук в Бахе, вероятно, и требовали от маленькой Вики Мулловой сначала в ЦМШ, а потом в классе Когана. И посмей она сыграть так, как играла сейчас, на своих вступительных экзаменах — ей бы наверняка вlepили «двойку», а не рукоплескали полчаса и заваливали цветами.

Этот Бах, прозвучавший в битком набитом Малом зале консерватории, ничуть не

менее важен, чем давнишний и ошеломляющий Бах Глена Гульда, ненароком заехавшего в Москву. Конечно, вокруг Мулловой никогда не будет того мифического ореола, который был у Гульда, но ей и не надо ничего подобного. Зато ей нужны открытые настежь двери и окна, сквозящие весенним холодком, — чтобы жильные струны на знаменитом Джулесе Фальке работы Страдивари дольше держали строй. Еще ей нужны откутно-мятые жакетики и летящие юбки, а еще шлепанцы на босу ногу — и это для Баха в консервативно-филармонической Москве.

Она играла Первую партиту, Вторую сонату и Вторую же партиту с хрестоматийной чаканой в финале. Играла по всем старинным и премудрым правилам — сухо, быстро, стреляя трелями и неожиданными sforzandi. Начало ее чаканы заставляло скорее двигаться в такт заразительным синкопам, нежели углубляться в себя в поисках метафизики. И все же метафизики в игре Мулловой было в избытке — не махровой романтической, а какой-то другой, когда зал затихал, прислушиваясь к тающим и непривычно терпким пассажирам. На «бис» москвичи выпросили только повтор andante из Второй сонаты. Маленькая дочка Наташа явно торопила маму, трогательно выглядывая из-за двери в артистическую.